вопроса о жанровой природе произведения о Евпатии, определял его как песню.[1]

В. П. Адрианова-Перетц указывает на песенный его характер, хотя здесь же говорит о „народном предании о Евпатии".[2] К „особым народным историческим песням" возводит рассказ о Коловрате Н. К. Гудзий.[3] Наконец, последний исследователь вопроса, М. О. Скрипиль, категорически утверждает: „Старшей среди исторических песен времени татарского нашествия можно считать песню о Евпатии Коловрате, которая сохранилась в повести о разорении Рязани".[4]

Какие аргументы выдвигались исследователями в обоснование фольклорного характера рассказа о Евпатии Коловрате? В. Миллер считал, что рассказ этот типично песенный по содержанию и по форме. Он дал почти полный инвентарь сопоставлений эпизода повести с народным эпосом: „Евпатий с своей ничтожной дружиной «проезжает сильные полки татарские», как Илья Муромец или Ермак; татары шатаются как пьяные; приведенным к нему воинам Коловрата изумленный их храбростью Батый ставит обычные эпические вопросы: «Коея веры есте и коея земля?». Тем же эпическим духом веет от иронического ответа, что они «посланы князем его, сильного царя, почтити и честно проводити», и чтобы он простил, что они не успевают чашу наливать на великую силу-рать татарскую (*Примечание*. Отметим тут же тавтологическое выражение «сила-рать»). Удивление Батыя мужественному ответу пленников, похвальба Хостоврула привести Евпатия живьем к царю, бой Евпатия с Хостоврулом, причем рязанский удалец, как эпические киевские богатыри, рассекает нахвальщика наполы до седла, сознание татарских мурз при теле Коловрата, что они во многих землях и на многих бранях бывали, а таких удальцов и резвецов не видали (*Примечание*. Отметим глагольные рифмы), — все это черты, знакомые нашим былинам. Наконец, как позднейшие песни о Батыге кончаются его жалобой на русских богатырей, так и старинная рязанская песня содержит в заключении жалобу Батыя на Коловрата за то, что он его «гораздо поскепал, много богатырей его сильной орды побил», и сознание басурманского царя, что у него нет богатырей, равных Коловрату. Батыю приписывает песня даже некоторое великодушие, вызванное удивлением подвигам русского богатыря".[5]

Существенным недостатком этих наблюдений В. Миллера является то обстоятельство, что они не идут дальше установления частных соответствий между сюжетными мотивами и стилистическими подробностями рассказа, с одной стороны, и художественными особенностями былинного эпоса, с другой. Миллер даже не ставит вопроса о рассказе из повести и его песенном прототипе как целом, не пытается установить наличие связей между отдельными „эпическими" подробностями эпизода о Евпатии.

В. П. Адрианова-Перетц подчеркивает в эпизоде о Евпатии характерную для народного эпоса идеализирующую гиперболизацию: „бьяше нещадно, яко и мечи притупишася", „татарове сташа яко пияны", „татарове мняша яко мертви восташа", „Еупатий же исполин силою и разсече Хосто-

---

[1] История русской литературы, т. II, ч. 1. АН СССР, 1945, стр. 83.

[2] Труды ОДРЛ, т. VIII, стр. 120—121.

[3] Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. пятое, переработанное, Учпедгиз, М., 1953, стр. 181.

[4] Русское народное поэтическое творчество, т. I. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 285.

[5] В. Ф. Миллер, ук. соч., стр. 319—320.